Вместо предисловия

Дорогие друзья!

Случалось ли вам в жизни заниматься тем, к чему совершенно не лежит душа?

Если нет, то вы счастливый человек!

Большинство же из нас, понимая, что нелюбимая работа позволяет держаться на плаву, изо дня в день плетётся на ненавистную барщину.

Но иногда случается, что приходится выполнять работу, за которую вам не заплатят ни копейки. Основой мотивации такого бесплатного труда становится ваша совесть.

Понимание того, что именно вы способны справиться с важной задачей и, несмотря на недостаток опыта, успешно завершить начатое, заставляет браться за совершенно новое дело.

Вот и мне пришлось ступить на эту стезю и заняться тем, к чему я наименее предрасположен, — литературным трудом. Невзирая на своё косноязычие, посредственное владение русским языком и полное отсутствие навыка излагать мысли на бумаге, мне всё-таки пришлось отложить ружьё, взять в заскорузлые пальцы перо и, обмакнув его в чернильницу воспоминаний, описать события, невольным свидетелем которых я стал.

Конечно, память — не женщина, но и она порой изменяет мужчине! Вот почему, вернувшись после всех немыслимых передряг домой, я тотчас же прикупил дюжину общих тетрадей и — вопреки врождённому скудословию — почерком студента, пишущего шпаргалки, принялся скрупулёзно описывать произошедшие со мной неолитические оказии.

Право же, жизнь порой подбрасывает такие происшествия, в реальность которых — если бы они произошли не с вами, а с кем-то другим, — трудно поверить. Выслушав очевидца, вы, скорее всего, вежливо промолчите и подумаете про себя: «Вроде бы не барон Мюнхгаузен, не писатель-фантаст, а надо же, как вдохновенно врёт! Даже придраться не

к чему! М-да! Рассказчик весьма интересен и вполне заслужил койко-место в палате № 6».

До тех пор, пока я сам не столкнулся в своей новой реальности с пещерным медведем и чудом спасся, болтовню таких «экспертов» воспринимал как первоапрельскую шутку. Наверняка эти проходимцы сами бы не поверили моей первобытной саге.

Позднее мне попалась на глаза книга гениального физика-теоретика Стивена Хокинга «Краткая история времени». Автор, используя яркие образы и сравнения, сумел доходчиво объяснить происхождение Вселенной. Я без всякой доли скептицизма в один присест проглотил мировой бестселлер и, как миллионы других читателей, ничего не понял. Однако же, в отличие от большинства учёных, следовавших от теории к практике, я отталкивался от обратного и уловил суть идей гения: возможность линейного разрыва времени как формы существования материи. Значит, мой незапланированный круиз в каменный век с точки зрения теоретической физики вполне объясним.

Воодушевлённый содержанием книги, решил немедля сесть за написание кандидатской диссертации и ознакомить мировое научное сообщество с уникальными итогами моей спонтанной экспедиции в прошлое.

Впрочем, поразмыслив и посоветовавшись с женой, не сомневавшейся в подлинности событий, был вынужден отказаться от столь заманчивой затеи.

Во-первых, при написании научного труда требуется делать ссылки на первоисточники. А как я могу выполнить это условие, если единственным свидетелем событий, наряду со мной, была охотничья лайка Мотька? А она, как известно, тварь бессловесная и русскому языку не обучена.

Во-вторых, для обоснования актуальности научной темы я должен изучить труды учёных, посвящённые экспедиции в поздний неолит. В мире таких трудов нет, поскольку я — единственный человек на планете, который не только побывал в доисторическом прошлом, но и сумел оттуда выбраться.

Хотел было, на крайний случай, опубликовать статью в авторитетном английском журнале «Nature», но по политическим мотивам передавать в руки англосаксов ценнейший научный материал поостерёгся.

Я не сомневаюсь: пройдёт время, и учёные физики-теоретики, используя всю мощь будущих квантовых компьютеров, докажут научную достоверность моего прорыва во времени.

Вот тогда-то двенадцать общих, исписанных от корки до корки тетрадей, станут бесценным достоянием человечества! Даже боюсь представить, сколько можно будет написать кандидатских и докторских диссертаций на основе моих достоверных записей, сколько казавшихся несокрушимыми научных гипотез обратятся в прах… По-видимому, появятся целые институты, научные школы, изучающие моё наследие! Логично будет предположить, что позднее Академия наук учредит ежегодную палеонтологическую премию имени Закиевича.

А пока этого не случилось, предлагаю ознакомиться с моей художественно-публицистической версией доисторического бытописания.

Хочу выразить отдельную благодарность школьному преподавателю русского языка и литературы Александре Ивановне за бескорыстную помощь в литературной обработке тетрадных записей и подготовке текста к публикации.

Глава 1. Драма на снежном саване

Зимой вся таёжная живность жмётся к реке. Глубокий снежный покров вынуждает травоядных добывать пищу вблизи реки. Благо вдоль берега растут заросли ивняка, молодые осинки, пихтач, кора и хвоя которых позволяет животным дотянуть до первой весенней травки. К тому же травоядные постоянно ощущают нехватку соли в организме, поэтому даже зимой не глотают пресный снег, а стараются утолять жажду насыщенной солями и минералами речной водой.

Вслед за травоядными к речному руслу тянутся и плотоядные: росомаха, рысь, волки и другие более мелкие хищники. Надеясь найти по берегам реки вмёрзшие в снег туши погибших животных, сюда же спешит проснувшийся раньше времени от спячки медведь.

Соболь — основной объект промысла — тоже мигрирует вдоль берега рек. Поэтому путики — обустроенные промысловиком тропы с расставленными капканами и ловушками-давилками (кулёмками) — также прокладывают ближе к реке.

Естественно, что и охотники стараются зимовье ставить ближе к воде. Но, памятуя об обжигающих зимних ветрах, гуляющих, словно по проспекту, между берегов, и весенних паводках, место выбирают всё же в некотором отдалении от русла реки.

Здесь чуток теплее, да и лихие туристы, идущие сплавом вниз по течению, не смогут заметить избушку, затерявшуюся в таёжных дебрях.

Ребята они, как правило, хорошие, но иногда встречаются и пакостливые людишки. Иной раз от этих горе-туристов урона больше, чем от медведя-шатуна.

В глухой тайге дорог нет, и единственный способ забросить груз, столь необходимый для промысловой охоты, — только по большой воде осенью или по снежному насту ранней весной.

В конце сентября, когда зарядят затяжные дожди, вода в обмелевших реках поднимается настолько, что позволяет на больших лодках забрасывать в один присест в базовую и проходные избы всё самое необходимое.

У меня, как и у моих товарищей по ремеслу, стояли несколько проходных и одна базовая изба, которая по размерам была наполовину больше остальных. Здесь, кроме сараюшки для снегохода, навеса для утвари и лабаза для продуктов, имелась и небольшая банька.

По мере возможности я старался каждую субботу принимать в ней банные процедуры. Известное дело: нам, сибирякам, без бани никуда. Конечно, хлопотное дело в разгар зимы хорошенько прогреть промёрзшую насквозь сараюшку, воды с ручья натаскать, но оно того стоит, ведь с помощью ядрёного пара да берёзового веничка можно не только хворь из организма выгнать, но и душевное спокойствие приобрести.

Эх! Бывало, плеснёшь на камни водицу да начнёшь веником тело охаживать, а потом в снег завалишься!!!

Ощущения!.. Словами не передать. А после бани не грех и самую малость на грудь принять.

Булькнешь на дно гранёного стакана водочки, осенишь её крестным знамением, чтобы вышел нечистый дух, а остался чистый спирт, да и одним глотком проглотишь. Закусишь хрустящими груздочками, умнёшь миску домашних пельменей, а уж потом таёжного чая с баданом, малиной да листом смородины напьёшься. Кое-как доберёшься до постели, а утром чувствуешь себя, как будто заново на свет народился.

Все мои проходные избушки и базовое зимовье стояли километрах в пятнадцати — двадцати друг от друга. Сезон добычи пушнины заканчивался, и соболь становился невыходным, то есть начинал линять. Я, как у нас говорят охотники, пошёл на последний круг, а это означало, что мне надо было объехать на «Буране», а кое-где проскочить на лыжах весь охотничий участок, снять с насторожки капканы, кулёмки и собрать попавших в них зверьков.

Повседневная непростая работа по закрытию сезона подходила к концу. Впереди меня ждали сотни километров